

**ИДИЛЛИЯ С.Т.АКСАКОВА
«РЫБАЧЬЕ ГОРЕ» В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

©2009 Л.К.Ишкиняева

Ульяновский государственный университет

Статья поступила в редакцию 15.12.2008

В статье показано, что, обращаясь к античному жанру и отдав должное сентименталистской традиции, Аксаков в своей «русской идиллии» «Рыбачье горе», с одной стороны, достигает величия и простоты Гомера в своих описаниях, с другой, – предстает как самобытнейший русский писатель, обладающий таким знанием о жизни природы и таким умением опоэтизировать рыбачий промысел, каким в то, да и в последующее время, не обладал никто.

Ключевые слова: литературная традиция, «русская идиллия», Аксаков, жанр идиллии, своеобразие жанра, пасторальная проза, народность, античный эпос, гармоничный мир.

Судьба идиллического жанра (и его разновидностей) в русской литературе всегда привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей.

Изучив круг чтения С.Т.Аксакова в соотнесенности с его последующим творчеством, представляется возможным выявить произведения, соотносимые с жанром идиллии и проследить традиции жанра в творчестве Аксакова, их проявление и переосмысление, их роль в поэтике С.Т.Аксакова.

В журнале «Детское чтение для сердца и разума», который юный С.Т.Аксаков читал «с восторгом», были опубликованы: «Иринт и Аминт. Пастушеская повесть», «Меналк. Пастушеская повесть», «Ликас. Пастушеская повесть», «Луг» Геснера, еще «Две пастушеские повести» Геснера, «Аркадской памятник» Вейсе и др. произведения, соотносимые с жанром идиллии и пасторали. В этих жанрах пастухи и рыбаки ведут непринхотливую, безмятежную, вольную жизнь в единстве с природой.

Американский исследователь Э.Даркин считает, что творчество С.Т.Аксакова «принадлежит не к традиционному жанру романа, а к пасторальной прозе, тесно связанной по своей тематике и формам выражения с пасторальной поэзией. <...> Э.Даркин отмечает, что пасторальную прозу Аксакова можно рассматривать на двух уровнях – эстетическом, как поэтическое, утонченное качество прозы, и психологическом, в котором возникает идиллический, отдаленный во времени естественный и простой мир, но по-прежнему

близкий и в настоящий момент воспринимаемый во всей своей сложности»¹.

Действительность для Аксакова, как пишет А.Ф.Григорьева, «это мир Божий, полный тайн, загадок, удивительных событий...И в этом мире Божиим, по Аксакову, все имеет место быть: реки с прозрачной водой и плавающей рыбой, лесные поляны и бабочки, материнская любовь и первые впечатления детства, школа с первой дружбой и первыми осознанными или неосознанными увлечениями, развивающийся интерес или пробуждающиеся пристрастия, охота, рыбная ловля, чтение, театр... Все имеет место быть: взросление, уход из родительского дома, тоска по нему, смена места жительства, созидание своей собственной семьи... и временность всего на земле тоже имеет место быть – кратковременность, быстротечность человеческой жизни – и неумение человека осознавать себя частицей этого Божьего мира – тоже имеет место быть...»².

В этом смысле идиллическое начало в произведениях С.Т.Аксакова (и стихотворных, и прозаических) предстает как сокровенное желание единства с миром, как всегдашний настрой на его приятие, как вечный поиск гармонии с природой и людьми – и постоянное столкновение с феноменами неидилличности, дисгармонии, необходимо присутствующими в мире.

¹ Селитрина Т.Л. Англоязычная критика о С.Т.Аксакове // Аксаковский сборник. – 2001. – 3. – Уфа: – С. 92 – 93.

² Григорьева Е.Ф. «Непреднамеренное» С.Т.Аксакова // Вторые Аксаковские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. – Ульяновск: 2006. – С. 7 – 8.

³Ишкиняева Лилия Камилевна, старший инспектор приемной комиссии. E-mail: pk@ulsu.ru

Идиллия может быть осмыслена как идеал, постоянно разрушающийся и вновь восстанавливающийся в воображении поэта. Если элегия – настроение, поэт элегический грустит об утраченном, то идиллический поэт воссоздает гармонический мир всей его конкретности, материальности, возрождает средствами искусства быт утраченного мира, согласует его с принципами мироустройства. Он переносится внутрь созданной идиллии, элик же остается за ее пределами.

Э.Даркин отмечает: «Как пасторальная проза, работы Аксакова интересны двумя аспектами: эстетически, через сокровенность, нежность и поэтичность его прозы, и психологически – через привнесение идиллически удаленного, естественного и непрехотливого мира, который является столь знакомым и представляется лишь на волосок отстоящим от настоящего, угнетающего своей нарастающей сложностью, новизной и искусственностью. Более того, проза Аксакова, как и большая часть современной пасторальной прозы, имеет конкретное местонахождение в мире русской природы, который мастерство Аксакова превращает в источник эстетической ценности». И далее: «Аксаков интересен современному читателю способностью преподнести настоящий мир, отстоящий от социальной реальности и исторической непредвиденности – мир вечного смысла, доступный людям и в современном мире через два источника-близнеца – природу и индивидуальную память»³.

В 1845 г. Гоголь писал: «Хотя с мыслью идиллии соединяют мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, или только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни. Она живописует до мельчайших подробностей этот быт, и как, по-видимому ни мелка ее область, не содержа в себе ни высокого лирического настроения, ни драматического интереса, ни сильного потрясающего события, хотя, по-видимому не что иное, как все первое попадающееся на глаза наши из обыкновенной жизни, но тот, однако ж, ошибется, кто примет ее в одном таком смысле. Поэтому почти всегда управляла ею какая-нибудь внутренняя мысль, слишком близкая душе поэта, а быт и саму идиллию он употреблял только как удобнейшие формы»⁴.

В русской стихотворной идиллии этой

«внутренней мыслью» была идея народности, национального содержания и формы. Как отмечает Р.Ю.Данилевский, русская идиллия, начиная от эклога А.П.Сумарокова и Ломоносовского «Полидора», довольно смело и последовательно отражала черты реальной жизни и «развивалась как русский литературный жанр»⁵. В то же время значительную роль в этом процессе играла переводная идиллия.

В конце 1770-х гг. дважды была переведена с немецкого на русский язык идиллия Э.Клейста «Ирин», где опозитизирован труд рыбака: «Голубой красноглазый осетр смотрел из травистой своей морской пещеры сквозь стеклянную оная крышку; стада животных обширного моря играли на поверхности вод в солнечном сиянии...»⁶. «Рыбачья тема, снимаемая в значительной мере стереотипных образах праздного пастушка, как раз и вела к изображению жизни на природе как труда, сопряженного подчас даже с опасностью»⁷. Эта тема получила свое продолжение в поэзии Державина, Н.Гнедича, А.Дельвига, отмечает далее исследователь.

В.Панаев в предисловии к своим идиллиям писал: «Не одни пастухи могут быть действующими лицами в сочинениях сего рода: «ими равно бывают Рыбаки, Земледельцы, Садовники и т.п.»⁸.

Обращение к ряду поэтических текстов первой трети XIX века позволяет говорить о сквозном характере образа рыбака в русской литературе. Генетически образ рыбака связан с идиллией Феокрита «Рыбаки». Как пишет С.А.Шульц, «в 1800 – 1820-е годы существовало три (в духе времени достаточно свободных в обращении с оригиналом) перевода этой идиллии: анонимный, опубликованный в журнале «Друг Просвещения»⁹ (здесь она не озаглавлена и неточно названа девятнадцатой), перевод Е.Сферина (Идиллии Феокрита. СПб., 1808) и перевод А.Мерзлякова, выполненный в двух несколько отличных редакциях (вошел в «Эклоги П.Вергилия Марона» (М., 1807) и книгу А.Мерзлякова

⁵ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII – XIX вв. – Л.: 1984. – С. 78.

⁶ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII – XIX вв. – Л.: 1984. – С. 79.

⁷ Там же.

⁸ Истов И. Разбор идиллии «Рыбаки» // Благонамеренный. – 1829. – XVIII. – С. 134 – 151. – С. 151.

⁹ Григорьева Е.Ф. «Непреднамеренное» С.Т. Аксакова // Вторые Аксаковские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. – Ульяновск: 2006. – С. 4 – 14. – С. 119 – 123.

³ Andrew R. Durkin. Sergei Aksakov and Russian Pastoral. – New Brunswick: 1983. – IX. – P. 2, 6.

⁴ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. – М.: 1994. – Т. 6. – С.316.

«Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (Ч. 2. М., 1826)¹⁰.

В 1821 г. Н.И.Гнедичем была создана идиллия «Рыбаки». Она появилась в «Сыне Отечества» в 1822 г. (Ч. LXXVI, 8) и тогда же была издана отдельной брошюрой. У Гнедича намечен характерный семантический комплекс, связанный с образами рыбаков – бедность, нестяжание, близость к природным стихиям¹¹, поэтически сформулирован нравственно-философский смысл мотива: «...промысел рыбный есть промысел чистый и честный: / Рыбак не губитель, своей он руки не кровавит; / Рыбак не обманщик, товар продает не поддельный...»¹². В сборник 1832 г. «Стихотворения Н.И.Гнедича» идиллия вошла с предисловием: «Это первый опыт русской народной идиллии. Сочинитель осмелился испытать этот род без Дафнисов и Хлой, лиц, принадлежащих миру несуществующему, земле чужой, небу чужому, и, следовательно, требующих таких свойств, красок и живописи, в которых, конечно, они были бы истинны, но привлекут только удивление ума, а не участие сердца, ибо сердце наше не найдет в них ничего себе знакомого, ничего родного. Вот корень, почему род сельской поэзии в новейшие времена так неуспешен. Кроме господствующих заблуждений о роде сей поэзии, чтоб лица и повествование были из времен отдаленных, дабы пользоваться мифологическими вымыслами, - кроме заблуждений сих, есть еще другое, которое не менее вредит успехам сельской поэзии. Подражая древних мы берем и формы их творений и самые предметы, забывая, что формы в поэзии – то же, что рабы в картине: рамы, как и формы, могут быть в искусстве общими, но предметы едва ли»¹³. Прежде чем приступить к разработке данного сюжета, Гнедич делал наброски к русской идиллии «Пастухи».

По словам Р.Ю.Данилевского, Гнедич описывает в медлительных гекзаметрах эпизод из жизни невских рыбаков, «жизни без Дафнисов и Хлой, но все же условно-безмятежной». Поэт «отчасти воспользовался сюжетом прозаической идиллии Броннера «Рыбак при дворе вельможи» («Der Fischer bei Hofe»). Он убрал черты социальной критики, имевшиеся у Броннера, но зато намного усилил местный колорит, живописно изобра-

зив берега Невы, белые ночи, стараясь слить воедино идиллическое настроение и русский национальный пейзаж»¹⁴.

Как отмечено И.Н.Медведевой, переводчика «Илиады» интересовала такая поэзия, в которой он видел народную основу. «Народностью проникнут, по его мнению, не только античный эпос, но и античные идиллии. Его увлекает мысль о воссоздании в России этого рода поэзии в его первоначальной простоте, не искаженной салонной манерностью, характерной для современной идиллии»¹⁵.

В сочинениях А.С.Пушкина устойчивые мотивы бедности, уединения, смирения, подчиненности стихии рука об руку с образом рыбака. Окружающие его предметы: хижина, невод, челнок, парус – также наделены соответствующими определениями: «ветхий невод», «убогий невод», «смиранный парус рыбака», «бедный ужин», «смиранный парус челнока», «бедный челн» и т.д. Пространство рыбака пустынно и печально («пустынные рыбаки», «пустынные рыбаки» в «Руслане и Людмиле», «угрюмый берег», «хижина» в «Осгаре», «пустынный остров» в «Медном всаднике», «ветхая землянка» в «Сказке о рыбаке и рыбке», «печальный остров – берег дикой» в стихотворении «Когда порой воспоминание...» и т.д.).

Другой ряд эпитетов подчеркивает благородную дерзость, отвагу рыбаков: «отважный северный рыбак» («Когда порой воспоминанье...»), «смелые рыбаки» («Руслан и Людмила»), «дерзкие пловцы» («Медный всадник»).

С образом рыбака в челноке на озерной глади соотносится мотив покойного, безвестного, вневременного существования (таким предстает пейзаж Михайловского в стихотворении «Вновь я посетил...», где через озеро по-прежнему «...плывет рыбак и тянет за собой / Убогий невод»¹⁶. Рыбак на бреге, бедный ужин рыбака (напр., в «Евгении Онегине») становятся приметой умиротворенного, идиллического пейзажа: «Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. Жук жужжал. / Уж расходились хороводы; / Уж за рекой, дымясь, пылал / Огонь рыбацкий»¹⁷. Такая трактовка образа, возможно, была навеяна Пушкину идиллией «Рыбаки» Н.И.Гнедича, чье описание петербургской ночи Пушкин в

¹⁰ Шульц С.А. Пушкин и Феокрит (Еще раз к вопросу об источнике «Сказки и рыбаке и рыбке») // Русская литература. – 2002. – 4. – С. 124 – 129. – С. 125.

¹¹ Гнедич Н.И. Стихотворения. – Л.: 1956. – С. 159.

¹² Там же. – С. 161.

¹³ Там же. – С. 816.

¹⁴ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII – XIX вв. – Л.: 1984. – С. 83.

¹⁵ Медведева И.Н. Н.И.Гнедич // Гнедич Н.И. Стихотворения. – Л.: 1956. – С. 44.

¹⁶ Друг просвещения. – 1806. – II. – С. 443; Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Репринтное воспроизведение издания 1935 – 59 гг. – М.: 1994 – 1997.

¹⁷ Друг просвещения. – 1806. – IV. Апрель. – С. 136.

примечаниях к 1 главе «Евгения Онегина» назвал «прелестным»¹⁸.

В «Сказке о рыбаке и рыбке», так же, как и в «Медном всаднике» (оба произведения написаны в 1833 г.), рыбак олицетворяет верность своей бедной, независимой участи, неведение горделивых притязаний, а потому и незнание утрат. Он был и остается простым крестьянином-рыбаком.

Как указывает А.Н.Архангельский, в тексте «Медного всадника» эпитет «бедный» («бедный челн») «по наследству переходит к Евгению»¹⁹, а «Его пустынный уголок / Отдал внаймы, как вышел срок, / Хозяин бедному поэту»²⁰. Так определениями «пустынный» и «бедный» оказываются художественно связаны поэт и рыбак. Подобно этому, в идиллии Гнедича молодой рыбак в то же время и певец, но талант певца поставлен выше удачи рыбака. Его певческий дар, оцененный «добрым боярином», приносит ему и новый невод, и «свирель дорогу»²¹. Сближение певца и рыбака происходит у Гнедича по признаку щедрой награды (богатого улова), у Пушкина – по признаку бедности, нестяжания. «При этом участь рыбака в пушкинской поэзии настолько достойна, что равно ей – только призвание поэта, а выше ее – только апостольское служение. Если же судьба рыбака остается неизменной в мире произведения (как в большинстве случаев у Пушкина) – это свидетельствует об отсутствии других путей, о невозможности иного выбора, о равнодушии к мирским соблазнам, о согласии со своей смиренной долей и бедностью – ради сохранения внутренней свободы, мира и покоя своей души. Дерзновенное пребывание на грани стихий, удаленность от мирской власти, благородная отвага и всегдашняя готовность к гибели – дополняют этот мотивный комплекс, имеющий для Пушкина, по-видимому, личностное значение»²².

В русле отмеченных художественных исканий оказывается «русская идиллия» С.Т.Аксакова «Рыбачье горе» (1824). «Будучи сориентирована в той или иной мере на

выражение национальной самобытности (у Жуковского, Дельвига, Гнедича), идиллия вместе с тем так или иначе опирается на «готовое слово» риторической традиции...»²³.

Литературное воспитание С.Т.Аксакова было прочно связано с классицистическими и сентименталистскими произведениями XVIII столетия. Обращаясь к классическому жанру идиллии, не потерявшему, как мы видели, своей актуальности в начале XIX века, автор «Рыбачьего горя» зримо следует античному образцу (идиллии Феокрита), воссоздает соответствующий хронотоп: раннее утро, река, низкий берег, туман, «рассвета часы золотые» и т.п. Так же, как у Феокрита, как у Гнедича, основу композиции аксаковской идиллии составляет диалог двух рыбаков, отнюдь не сводящийся к одному только улову, но имеющий нравственно-философский смысл. Один рыбак довольствуется ловлей мелких плотичек, другой – мечтает поймать небывалую рыбу. Однако в решающий момент он терпит неудачу: попавшийся было на удю ужасной величины голавль обрывает лесу и уходит в воду. Рыбак бранит себя за «свое нетерпенье, За жадность, горячность, еще же за глупую робость»²⁴. «С досады от хлеба отстал я И сна по ночам не имею»²⁵, – жалуется он младшему товарищу, на что тот справедливо возражает:

Товарищ, не ты ль говорил – не нажить нам ума
Без потерь, неудач, без нужды и без разных печалей?
Не ты ль говорил, что терпенье в успехе порука?
Что радость без горя была б человеку не в радость?

В последней реплике старшего товарища в идиллии утверждается характерный для сентиментализма приоритет дружбы над всеми жизненными ценностями:

Конечно, правдивы слова: спасибо, любезный!
Меня оживил ты своей добродушной речью;
Ах, добрый товарищ всего нам на свете дороже,
Печаль с ним покажется легче, а радость милее!²⁶

Этого нет ни у Феокрита, ни у Гнедича, ни у Пушкина. Однако идиллия Аксакова отличается новизной и самобытностью отнюдь не только в этом отношении. Рыбак Феокрита видит большую рыбу во сне. В «Рыбачьем горе» все происходит наяву, и здесь сказывается будущий всем известный автор «Записок

¹⁸ Там же. – С. 179.

¹⁹ Селитрина Т.Л. Англоязычная критика о С.Т.Аксакове // Аксаковский сборник. – 2001. – 3. – Уфа: – С. 49 – 50.

²⁰ Друг просвещения. – 1806. – III. – С. 296.

²¹ Гнедич Н.И. Стихотворения. – Л.: 1956. – С. 167.

²² Сапченко Л.А. Рыбак и море в поэзии Пушкина // «В начале было слово»: Межвузовский сб. научно-методических трудов памяти славянских просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / Под общей ред. Л.И.Петриевой. – Ульяновск: 2005. – С. 47 – 54.

²³ Шульц С.А. Пушкин и Феокрит (Еще раз к вопросу об источнике «Сказки и рыбаке и рыбке») // Русская литература. – 2002. – 4. – С. 125.

²⁴ Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 3. – М.: 1956. – С. 672.

²⁵ Там же. – С. 671.

об уженье рыбы». Вначале подробно описана насадка для ловли: «мешок со пшеницей, и ящик с червями / И хлеба краюха, и раков линючих десятков...». По поводу раков делается особая сноска: «Раки, линия ..., прячутся в норы, и достать их бывает очень трудно, а рыба особенно любит их»²⁷. Далее со знанием дела перечислены все рыбацкие снасти: «и крючья, и лесы, и грузилы..., сачок для язей» (Феоокрит также называет корзины, крючки, приманки, ловушки и верши, но не так конкретно и наглядно). Аксаков еще более детализирует описание приманки: «линючий рак», «мякиш», «простые черви», указывает, что для какой рыбы предназначено. Употребляются специальные технические выражения рыбаков: «плаха» – пластина, «сачок без зыби» – «если сетка, к нему пришитая, коротка. Не зыблется – как мешок»²⁸. «Заводка» «узкий залив воды». На этот счет также делает примечание. Если у Феоокрита ловится просто «рыба», то у русского поэта приведены самые различные породы, причем некоторые из них обладают даже индивидуальным характером – «язи, головли, и лини, и плотва красноперка, и окунь всегда ненасытный, и лец простоватый». Артистически, прочувствовано опи-

сано и нетерпение, и азарт, и хитрость, и сноровка, и страх, и промах, и досада рыбака, подсекающего, а затем теряющего небывалую добычу. <...> «Рыбачье горе» полемически заостренное против «Рыбаков» Гнедича, представляет собой тем не менее попытку самостоятельно решить проблемы народной идиллии на русском материале...»²⁹.

Таким образом, обращаясь к античному жанру и отдав должное сентименталистской традиции, Аксаков в своей «русской идиллии», с одной стороны, достигает величия и простоты Гомера в своих описаниях, с другой, – предстает как самобытнейший русский писатель, обладающий таким знанием о жизни природы и таким умением опоэтизировать рыбацкий промысел, каким в то, да и в последующее время, не обладал никто.

²⁶ Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. – Т. 3. – М.: 1956. – С. 672.

²⁷ Там же. – С. 668.

²⁸ Там же. – С. 671.

²⁹ Кукулевич А.М. Русская идиллия Н.И.Гнедича «Рыбаки» // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – 1939. – 46. Вып. 3. – С. 298.

S. T. AKSAKOV'S IDYLL «A FISHERMAN'S MISFORTUNE» IN THE HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT

© 2009 L.K.Ishkinjaeva^o

Ulyanovsk state university

The article shows that turning to the antic genre and having given its due to the sentimentalist tradition, Aksakov (in his «Russian idyll» «A Fisherman's Misfortune»), on the one hand, achieves the grandeur and simplicity of Homer in his descriptions, on the other hand, appears as the most original Russian writer possessing such knowledge of nature's ways and such ability to poeticize fishing, that no one in that time, and even in the subsequent times possessed.

Key words: Literary tradition, «Russian idyll», Aksakov, a genre of idyll, an originality of a genre, pastoral prose, a nationality, the antique epos, the harmonious world.

^o *Ishkinjaeva Lily Kamilevna,*
The senior inspector of university admission office.